

Главный враг лесоведа — расчетная лесосека

А. Ярошенко, канд. биолог. наук, Гринпис России

Лесоводство — дитя нужды. С этих слов начинается одна из главных книг в истории российского лесоводства «Учение о лесе» Г. Ф. Морозова, первое издание которой увидело свет в 1920 году. «Пока леса было много, отсутствовала забота о неистощимости пользования им; когда леса стало мало или явилось опасение за возможность истощения лесных запасов, тогда впервые возникает мысль о такой организации пользования лесами, которая не вела бы к их истощению, возникает счастливая и великая идея о постоянстве пользования лесом, которая проникает все лесоводство и составляет его душу и самую характерную черту».

Прошедшее столетие показало, что профессор был не совсем точен (и не он один: многие не знают, например, что фраза «лесоводство — дитя нужды в лесе» пришла к нам из Германии задолго до выхода упомянутой книги, и ошибочно считают ее автором Георгия Федоровича). Сама по себе нужда в лесе совсем не обязательно приводит к развитию лесоводства, лесного хозяйства — необходимым условием этого является осознание нужды в лесе теми, от кого зависит принятие необходимых решений.

Разница между собственно нуждой в лесе и ее осознанием особенно видна в крупном государстве, владеющем колоссальными площадями лесов, т. е. в таком, как наше. Нужда в лесе, истощение доступных ресурсов хозяйственно ценной древесины хорошо осознается жителями лесных деревень и поселков, особенно теми, чье благополучие от этого и зависит. Но не они решают, какое хозяйство и по каким правилам в этом лесу вести. Леса находятся в федеральной собственности, основные относящиеся к ним законы и правила принимаются на самом высоком уровне, а деньги, прежде чем быть вложенными в какое бы то ни было хозяйство, проходят все уровни бюджетной системы — сначала снизу

вверх, потом сверху вниз. На местном уровне уже может быть понимание того, что лес кончается, но пока оно дойдет до самого верха, до тех, кто принимает наиболее важные решения, могут пройти годы, а то и десятилетия.

Перспективы принятия в нашей стране серьезных мер, направленных на развитие лесного хозяйства, в значительной степени зависят от того, насколько быстро осознание нужды в лесе, понимание того, что хозяйственно ценные леса в стране истощены до предела, дойдет до главного руководства. Важнейшим препятствием на пути этого понимания является расчетная лесосека — административная величина, рассчитываемая по чуть видоизмененным старинным германским формулам и показывающая, сколько леса можно вырубить в пределах лесничества, региона или страны. Применительно к лесничеству эта величина еще имеет некоторую (довольно условную) связь с реальностью, в масштабах субъекта Российской Федерации она почти полностью теряет смысл, а на уровне страны превращается в совершеннейшую абстракцию, лишь вводящую чиновников в заблуждение.

Сейчас расчетная лесосека по всей Российской Федерации составляет около 700 млн м³. Это значит, что столько леса разрешается вырубать за год во всех лесничествах нашей страны. Учетный объем заготовки древесины по стране составил в 2013 году 193 млн м³. Прогноз развития лесного сектора Российской Федерации до 2030 года определяет при самом оптимистичном варианте развития российского лесного сектора объемы заготовки древесины к 2030 году в 301 млн м³ в год. Легко посчитать, что при таких темпах роста объемы разрешенных рубок могут сравняться с расчетной лесосекой только в третьей четверти XXI века. А это один из самых нескромных прогнозов развития российского лесного сектора...

Конечно, вряд ли чиновники, сочиняющие лесные и смежные законы и распределяющие финансирование на поддержку тех или иных отраслей народного хозяйства, занимаются такими подсчетами, вряд ли многие российские чиновники читают подобные прогнозы. Но посмотрим, о чем свидетельствуют наши отраслевые нормативно-правовые акты.

В Порядке исчисления расчетной лесосеки, утвержденном приказом Рослесхоза от 27 мая 2011 г. № 191, написано следующее: «Расчетная лесосека определяет допустимый ежегодный объем изъятия древесины в эксплуатационных и защитных лесах, обеспечивающий многоцелевое, рациональное, непрерывное, неистощительное использование лесов, исходя из установленных возрастов рубок, сохранение биологического разнообразия, водоохраных, защитных и иных полезных свойств лесов».

© Н. Дельвин / WWF России

Если понимать эту фразу буквально, она означает, что расчетная лесосека — это объем древесины, который можно извлекать ежегодно без истощения лесов, не нанося ущерба их биологическому разнообразию и прочим полезным функциям, причем, очевидно, без каких-либо специальных условий, поскольку о них в упомянутом приказе не говорится.

Вот очень наглядный пример того, как понимают расчетную лесосеку наши чиновники, далекие от леса по образованию, но поставленные «рулить» лесным сектором или какими-то его частями. Это недавнее (сентябрь 2014 года) высказывание заместителя министра промышленности Якутии М. Ю. Бульшего: «Мы используем всего лишь 6 % экономической обоснованной вырубki, которая по объему равна 30 млн м³. Эта расчетная величина без ущерба экологии, которую можно ежегодно вырубать. Поэтому у республики большой потенциал. Необходимо увеличить сбыт на внешние рынки, стимулировать экспорт». Напомним, Якутия — большой северный регион, где леса, конечно, много, но он очень низкопродуктивный, прирост которого к тому же с лихвой перекрывается потерями при пожарах. Расчетная лесосека показывает, что в Якутии есть большие резервы для развития лесной промышленности без истощения лесов; здравый же смысл подсказывает, что такие резервы там от природы минимальны, но и они полностью выбираются огнем.

Так воспринимают ситуацию с российскими лесами не только чиновники. Вот, например, цитата из свежего (сентябрь 2014 года) доклада Всемирного банка об экономике России: «природные ресурсы в виде полезных ископаемых, пахотных земель и лесов имеются в изобилии».

Таким образом, расчетная лесосека воспринимается нашими чиновниками как обоснованная норма неистощительного и безопасного для природы пользования лесом. Расчетная лесосека по всей России составляет сейчас около 700 млн м³, что в 3,5 раза больше современных объемов рубок и больше любой прогнозируемой потребности в древесине на ближайшие несколько десятилетий. Для большинства людей, принимающих решения, это означает, что леса на наш век хватит с большим избытком, даже если утроить объемы рубок.

Самым ярким результатом такого понимания ситуации с лесами в России является действующий Лесной кодекс Российской Федерации. Он основывается на идеологии освоения лесов как природного месторождения древесины. Использование лесов и развитие лесной промышленности считается целью освоения, при котором осуществляется проведение мероприятий по их охране, защите и воспроизводству (статья 12). Кодекс вообще не предусматривает сколько-нибудь явной системы лесного хозяйства — отдельные его элементы разбросаны по разным статьям и в основном представляют собой довески к освоению лесов для разных видов их использования.

Что же в действительности означает расчетная лесосека? Согласно вышеупомянутому приказу Рослесхоза, в России сейчас применяются четыре вида расчетной лесосеки для сплошных рубок: равномерного пользования, первая возрастная, вторая возрастная, интегральная. Первые три применяются в масштабах страны с небольшими изменениями уже более 100 лет, последняя разработана во второй половине XX века и дает результаты, близкие ко второй возрастной (поэтому отдельно рассматривать интегральную лесосеку не будем).

В Лесоустроительной инструкции 1911 года (которая в то время и определяла порядок исчисления расчетной лесосеки) нынешняя лесосека равномерного пользования называется нормальной. Предусмотренная той инструкцией лесосека, соответствующая возрастам насаждений, существовала в двух вариантах, один из которых в точности соответ-

ствовал нынешней первой возрастной, а второй с некоторыми отличиями — второй возрастной. Применение лесосеки, соответствующей возрастам насаждений, в любом случае требовало проведения специальных исследований; применение нормальной требовало таких исследований при истощенности насаждений старших классов возраста. Вот что по этому поводу написано в Лесоустроительной инструкции 1911 года: «При избытке насаждений старших классов возраста, вызывающих усиленную рубку их, или при необходимости оставления их в течение продолжительного времени на корню — в том и в другом случае особыми исследованиями на пробах и моделях должно быть установлено изменение количественного и качественного прироста этих насаждений, обосновывающее принятое для них решение. Подобного же рода исследования необходимы для выяснения того предела, до которого можно идти при увеличении рубки до нормальной лесосеки, при недостатке насаждений старших классов».

Таким образом, первоначально расчетная лесосека, определяемая по используемым поныне формулам, вовсе не означала непременно неистощительного лесопользования — для подтверждения неистощительности требовались специальные исследования. Обратите внимание, что даже расчетная лесосека равномерного пользования (нормальная) не воспринималась Лесоустроительной инструкцией 1911 года как гарантированно обеспечивающая неистощительность и постоянство пользования!

С тех пор формулы для определения расчетной лесосеки принципиально не изменились (вторая возрастная изменилась лишь в том, что в прошлом она допускала существование возраста рубки, не кратного классам возраста), но изменилось их словесное обрамление. Раньше применение в записи от формулы всегда или в части случаев требовало дополнительных исследований и обоснований. Теперь же по умолчанию (на уровне приказа Рослесхоза) признается, что оно обеспечивает не только непрерывное и неистощительное использование лесов, но и сохранение биоразнообразия, о котором разработчики формул вряд ли вообще задумывались.

Но и это еще не все. Идеология расчетной лесосеки разрабатывалась первоначально в Германии, в лесах умеренного пояса, в условиях очень высокой плотности населения и большого спроса на древесину практически любого качества. Для таких лесов вопросы экономической доступности лесов не очень актуальны — там практически все, что прирастает в лесах, может быть заготовлено и использовано в народном хозяйстве. В наших северных лесах ситуация совсем другая (и была другой изначально): здесь огромные площади приходится на низкопродуктивные насаждения,

© Д. Луговая

© Д. Луговая

от природы малопригодные для ведения в них какого бы то ни было хозяйства, и на насаждения, расстроенные неправильными рубками и до сих пор не восстановившие своего ресурсного потенциала из-за той же низкой продуктивности. Кроме того, многие сравнительно продуктивные и хозяйственно ценные насаждения труднодоступны или даже недоступны вовсе. Если такие леса (недоступные, низкопродуктивные, разоренные неправильными рубками до степени утраты хозяйственной ценности) включаются в базу для исчисления расчетной лесосеки, то ее размер, разумеется, еще больше увеличивается по сравнению с уровнем неистощительного лесопользования. Таких лесов, лишь номинально включаемых в базу для определения расчетной лесосеки, становится все больше и больше по мере продвижения на север или в горы. Поскольку леса нашей страны осваивались по принципу от лучшего к худшему, а вовлеченные в использование коренные хвойные леса таежной зоны в подавляющем большинстве случаев надолго сменялись лиственными или смешанными, доля «липы» в базе для исчисления расчетной лесосеки по хвойным с течением времени только возрастала.

В 1990-е и особенно в 2000-е годы к этому добавилась еще одна проблема: быстрое устаревание материалов лесоустройства, на основании которых исчислялась расчетная лесосека. По данным Росстата, в 2013 году доля площади лесов, в которых лесоустройство было проведено за последние 10 лет, составляла всего 20 %. Средняя давность проведения лесоустройства по стране сейчас составляет около 20 лет. Некоторые произошедшие за это время изменения нашли свое отражение в лесной статистике, но многие не нашли. Фактически такая ситуация с лесоустройством означает, что база для исчисления расчетной лесосеки в среднем по стране отражает ту ситуацию, которая была пару десятилетий назад. За это время многое было вырублено, украдено, скормлено вредителям или сгорело.

Наконец, вспомним о значимых с точки зрения расчетной лесосеки нестыковках между лесным и смежным законодательством. Есть довольно много лесов, в которых режим пользования официально ограничен, но которые не исключаются из базы для определения расчетной лесосеки (например, региональные заказники). Есть немало и лесов, в которых режим пользования должен быть ограничен по законодательству, но которые в силу технических трудностей пока официально не выделены (например, водоохранные зоны вдоль небольших рек, ручьев и озер). Есть, наконец, леса со спорным статусом, особенно в густонаселенных регионах страны. Из-за хаоса с кадастровым учетом их границ (по состоянию на 2013 год на государственный кадастровый учет было поставлено всего 24,7 % площади лесов России) феде-

ральная лесная собственность интенсивно растаскивается, присваивается поселениями и частными лицами, при этом захваченные леса продолжают входить в базу для исчисления расчетной лесосеки.

В итоге нынешняя расчетная лесосека по наиболее ценным породам (твердолиственным и хвойным) в разы отличается от уровня неистощительного лесопользования. В таежных лесах эта разница может быть такой большой, что арендаторы с трудом набирают лесосечный фонд на срок действия проектов освоения лесов (10 лет). Как только экономическая ситуация в лесном секторе ухудшается и у арендаторов не остается средств на заготовку древесины в самых удаленных лесах, они сразу оказываются на мели, даже если установленные объемы пользования лесными участками существенно превышают потребности этих арендаторов.

Отметим еще одну важную деталь. Согласно вышеупомянутому приказу Рослесхоза, расчетная лесосека исчисляется по лесничествам и лесопаркам. Действующий порядок в принципе не предусматривает исчисления расчетной лесосеки по лесным участкам, передаваемым в аренду или постоянное (бессрочное) пользование. В дележе расчетных лесосек между лесными участками и лесопользователями часто царит изрядный произвол, приводящий в конце концов к еще большему различиям между установленными объемами использования лесов и уровнем неистощительного лесопользования.

Таким образом, размер расчетной лесосеки в наше время — это сугубо административная величина, хоть и рассчитываемая по некоторым условным правилам, но имеющая косвенное отношение к действительности. Она никак не отражает возможные на длительную перспективу объемы заготовки древесины по наиболее ценным лесам — хвойным и твердолиственным, особенно в таежной зоне.

В малоосвоенных северных лесах, где сохранились компактные массивы хозяйственно ценных лесов, расчетная лесосека ограничивает аппетиты лесопользователей, заставляя растягивать сохранившиеся ресурсы на более или менее длительный срок (в зависимости от ситуации — от нескольких лет до нескольких десятилетий). В лесах староосвоенных районов расчетная лесосека обычно не выполняет и этой функции: там объемы рубок ограничиваются скорее наличием ценных насаждений, чем какими-либо расчетами.

Фактически расчетная лесосека сейчас выполняет только фискальную функцию — определение начального (минимального) размера арендной платы при выставлении лесного участка на аукцион. Эта функция тоже выполняется плохо: во многих случаях размер платы (вместе с объемами пользования) приходилось корректировать дополнительными соглашениями к договорам, вплоть до недавнего запрета.

Выводы:

1. Расчетная лесосека (в существующем виде) превратилась в практически бессмысленный с лесохозяйственной точки зрения показатель, слабо зависящий от реального состояния лесов и не имеющий никакого отношения к неистощительности и постоянству пользования лесом.

2. Многократно завышенная по хозяйственно ценным породам (за счет упрощенного подхода к исчислению и использованию некорректной базы для исчисления) расчетная лесосека создает иллюзию изобилия и недоиспользования лесных ресурсов России.

Эта иллюзия, в свою очередь, предопределяет фактическую политику государства в лесном секторе: явное предпочтение отдается освоению лесов как месторождению древесины, а не лесному хозяйству как системе их выращивания и воспроизводства. Фактически расчетная лесосека скрывает все более острую нужду в хозяйственно ценных лесах и, соответственно, нужду в развитии лесного хозяйства.

